

Б И Б Л И О Т Е К А

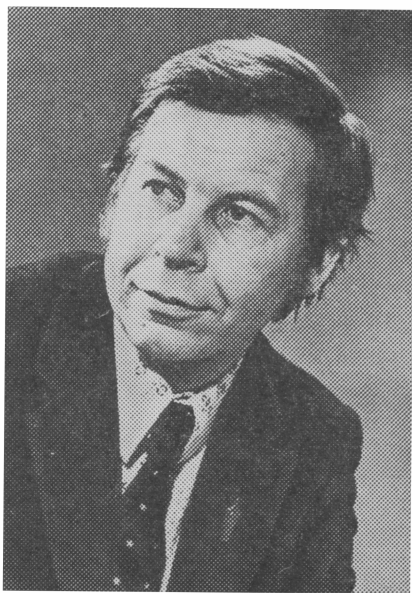
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 3

1986

Иван НИКОЛЮКИН

ПТИЦЫ В ГРУДИ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 3

Иван НИКОЛЮКИН

ПТИЦЫ В ГРУДИ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Иван НИКОЛЮКИН

Иван Константинович Николюкин родился в 1936 году в селе Красный Флот Воронежской области. После окончания семилетки работал в колхозе.

В г. Калаче Николюкин окончил вечернюю среднюю школу, работая строителем, грузчиком на железнодорожной станции и в меловом карьере. Строил в Крыму троллейбусное кольцо Симферополь — Алушта — Ялта. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Николюкин — автор многих сборников стихов и поэм. Наиболее известны поэма «Россия начинается с избы», сборники «Сенокос», «Окно матери», «Песни в поле», «Эхо канонады» и другие. Член Союза писателей СССР. С 1961 года живет и работает в Москве.

* * *

Бывает миг души прозренья:
Ты ощутишь вдруг наперед
Неумолимым повтореньем,
Что было —
Вновь произойдет.
И сердце радостно сожмется,
И страхом остановит кровь,
И что-то эхом отзовется,
И повторится что-то вновь...
Боюсь
И жду секунды эти,
Как будто снится наяву,
Что я не первый раз
На свете
И не последний раз
Живу.

ПТИЦЫ В ГРУДИ

Под ласковым солнцем весенним
Мальчишкой по травам бегу,
И грудь разрывает весельем
На этом цветастом лугу.
Нет мира светлей
И чудесней...
Все дали еще впереди,
И жаворонок сладкою песней
В моей трепыхает груди.
Слепяще любви озаренье...
Я в розовом майском саду
Под ранней луною весенней
Свидания первого жду.
А сердце готово на части
В груди разорваться моей.

Не сердце, не сердце...—
От счастья
В душе ошалел соловей.
Бесчисленны в мире дороги.
Не помню,
В котором году,
Ступени родного порога,
Оставив,
По жизни иду.
В лесной очутившись опушке,
Я стал замечать иногда,
Что щедрые раньше кукушки
Пророчат все меньше года.
Серьезный вчера кардиолог
О грозных симптомах твердил.
И ворон:
«Как путь наш недолог...»
Все каркал и каркал
В груди.
Ты, ворон, живешь три столетья,
Еще три столетья живи.
Зачем мне твое долголетье,
Коль вечность бушует
В крови!

* * *

Над родными краями
Звезд задумчивых рой.
Возвращаюсь полями
Узкой тропкой домой.
После долгой разлуки
С этим тихим селом
Все тревоги и муки,
Как вода под веслом.
И свобода,
И воля,
И глухая тоска
Среди этого поля
У степного леска...
Беспределен и ярок
Свет спокойной луны.
Эта ночь — как подарок
Мимолетной весны.

Две недели
Все по тонкому,
пружинящему
льду...

Но не это было главным,
Раз живу я,
А твоих тогда словишек книжный брак:
«Умный может быть влюбленным
До безумья,
Но не может быть влюбленным,
Как дурак».

З И Н К А

Вывела к болоту узкая тропинка,
Вывела,
исчезла

в зарослях куги.

Ах, так вот где, вот где
Прячешься ты, Зинка!
По воде болотной от ведра круги.
Оглянулась,
Вылезла к тапочкам на берег,
На сухое место вынесла ведро,
Моет ноги,

смотрит,

смотрит и не верит,

Заголивши юбку чуть не на бедро.

— Иль не рада встрече,

Иль не ожидала? —

Выплеснула воду в тину из ведра.

— С дойки возвращаюсь.

Хмурая.

— Устала?

— Ты когда ж приехал?

— Вечером вчера.

— А в лесу что делал?

Брюки-то захлестал.

— Как дела на ферме?

— Как сто лет назад.

— Замуж-то не вышла?

— Не найду по росту.

— Дождик, что ль, не выпал

на твоих ребят?

Построили баню в колхозе,
Поставили банщиком
Митю.
И Митя расклеил афиши
На всех телеграфных столбах.
«Работает баня,—
Он пишет —
На трех центнеровых котлах.
Работает паром парная,
А также работает
Душ.
В двух залах она принимает
По равну количеству
Душ.
Спешите помыться, граждáне,
А то ведь суббота одна,
А кроме субботы,
Не станет
Пока что работать она.
Спешите: хоть каждый и занят,
Отмыть многотрудный свой пот.
На первую баню, граждáне,
Бесплатный желающим вход».
Встречая девчат по дороге,
Идущих с утра на работу,
Им Митя кричит:
— Недотроги,
Придете ли мыться в субботу?
А то расплетутся завивки,
А кто некудрявых полюбит?..
Ребятам:
— Отмоем затылки?
Цвет кожи естественней будет! —
Старушкам,
Сидящим на лавке,
Твердит мимоходом он тоже:
— Вы раз лишь помоесть,
Бабки,
И станете на год моложе..
— Да хватит уж, хватит уж, Митя,
Такой ты мастак на рассказы.
— Вы, бабушки, только придите,
Тогда и поверите сразу.—
И в чистую эту субботу,
(Так Дмитрий нарек этот день)

Побольше, чем в клубе,
С работы
Собралось в той бане людей.
Все хвалят в предбаннике Митю.
А Митя в халате, всерьез:
— Да что вы меня-то
Хвалите,
Хвалите, граждaне, колхоз.—
И надо ж такому случиться:
Завяз водовоз у пруда.
По капельке в тазик сочится
Последнего бака вода.
И самый последний,
Стирая,
Холодную пену со лба,
Пропел посетитель:
«Ты злая,
Ты злая сегодня судьба!»
И шпильку зубастую Мите.
А Митя в халате, всерьез:
— Да что вы меня-то
Клянете,
Кляните, граждaне, колхоз!..
Я был не однажды в той бане
И с банщиком Митей знаком.
Хороший и славный он парень,
Хотя и слывет
Чудаком.

«Л О В Е Л А С»

Был Егор молоковозом.
На своей гнедой лошадке
Объезжал с утра колхоз он
В теребее своем шатком.
В три бидона собирал
Молоко в дворах артели.
Кто сдавал —
кто не сдавал,
Кто сдавал —
поменьше ели.
Не об этом разговор.
Дело в том, что у Егора
Был один особый двор,
Чем особ — узнаем скоро.

Все обидные слова,
Вспомнишь все, что говорила,
Хоть права,
Хоть не права,
Все равно по-бабьи было...»
Призадумалась жена,
Позабыв совсем про вожжи.
Вдруг заметила она,
Что остановилась лошадь.
Кнут нащупав поскорей,
Встрепенулася возница,
Огляделась — во дворе,
Пригляделась — двор вдовицы.
На двери висит замок.
«На любовь ушла, похоже.
А вот так и он бы мог
Ненароком в гости...
Боже!»
Сжалось сердце, ночь темней,
И дышать бедняжке нечем:
«Да ведь он, блудяга, к ней
Заезжает каждый вечер!»
— Ишь, привыкла, приплелась,
Хлеб меняешь на солому! —
По спине лошадку — хрясь!
И во весь карьер к больному...
Сам Егорка неспроста
Две недели прятал рожу.
Видно, хлесткого кнута
И ему досталось тоже.
А в деревне до сих пор
Мужики — как соберутся:
— Вот бы в цирк тебе, Егор,
Дрессировщиком! — смеются.

* * *

— Гуси, гуси?
— Га, га, га!
— Вам знакомы, берега,
Вам знакома речка,
Речка Тихотечка,
Подскажите гостье,
Где найти помостье,

— Был тут мост, прохожий,
Он давно негожий,
Он давно уж в иле,
Доски все прогнили,
Под его обломком
Сом живет с соменком.
— Гуси, гуси?
— Га, га, га!
— Накрошу вам пирога,
Вам знакома речка,
Речка Тихотечка,
Я здесь не был сроду,
Где пройти мне бродом?
— С помыслом хорошим
Можно и в галошах
Перейти всю речку,
Речку Тихотечку,
Для плохих людей река
Ой как будет глубока...
— Гуси, гуси?
— Га, га, га!
— Вы ходили за стога
При рассветном ветерке,
А не в этом хуторке
Вот уже двадцатый год
Люба-Любушка живет?
— Люба, Любушка, Любаша,
Так и есть —
Хозяйка наша.
И она двадцатый год
Все кого-то в гости ждет.
Что ж ты медлишь,
Парень-сокол,
Вон уж речка пересохла...

* * *

Тонкостволояя рощица.
Этот кипень берез.
Вечер в речке полощется
Ранним высеvom звезд.
И не осень
Как будто,
И не лето уже...

— Могилу его отыскать нелегко.
Мы были в том месте,
Но холмик исчез.
За годы и куст превращается в лес.—
Ни слова в ответ не промолвила мать
И стала в дорогу котомку собирать.
— Тебе не под силу,
Он долог, тот путь! —
Воскликнули братья.
— Пройду как-нибудь.
— Но где же ты хочешь могилу найти?
— Я знаю, что нужно
На запад идти.—
В жестокие дни материнской недоли,
Что может быть тверже,
Сильней ее воли!
Немало пришлось ей осилить дорог
С тех пор, как оставила дом и порог.
Был долог,
и труден,
и скорбен был путь.

Решила старушка в лесу отдохнуть.
Присела она меж весенних берез
На холмик,
Который травкою зарос.
Потом прилегла, утомившись, старуха.
Вдруг слышит:
В земле простонал кто-то глухо.
Ей волосы вздыбил нечаянный стон
И кровь заморозил.
И вырвалось:
«Он».
И в ужасе тихо спросила старушка:
— Ты здесь, мой сыночек,
Откликнись, Андрюшка...
— Я здесь.
Ты пришла? Ты нашла меня, мама?
— Нашла.—
И разверзлась могильная яма.
Он, щурясь от света,
Стряхнул с себя глину.
Упала старушка в объятия к сыну.
Рыдая, смеялась,
смеялась, рыдая.

Промолвил Андрюшка:
— Спасибо, родная.
Я знал,
Задыхаясь в горячей крови,
Нет силы сильней материнской любви,
Безмерной любви чудодейственной силы,
Способной и мертвых поднять
Из могилы!

СОБАЧИЙ РЕИС

О том,
Что ослабели старики,
Что им не мил ни новый двор,
Ни хата.
«А мне к ним часто ездить
Не с руки,
Зову к себе». —
Письмо гласило брата.
Через неделю
В дверь мою звонок.
— Прошу вас расписаться. —
Телеграмма.
«Коль время есть,
То пособи, сынок.
В субботу мы переезжаем.
Мама».
Меня годами ждет аэродром.
Всего-то два часа каких-то лета.
Да полчаса автобусом потом
В объятия родных
От самолета.
...Мать безутешна:
— Камень на земле
И тот с годами мохом обрастает.
Свое бросаем.
А в чужом селе
Снег по весне
И тот должее тает... —
Я третий раз влезаю в самосвал
Забрать остатки —
Уголь да дровишки.
— А кобеля, сынок, ты там оставь,

Уж болно стар
Он стал для передвижки.—
Вот с кобеля-то все и началось...
Уже в кабину снова я садился,
Когда вдруг вой
Его протяжный взвился,
Предсмертный вроде,
Жалобный до слез.
— Пстой, шофер.
Иди сюда, Полкан! —
А он уже,
Как будто обреченный,
А он,
Как будто пойманный в капкан.
Ни с места.
Так жестоко отлученный.
И вдруг..
Ко мне пополз на животе,
Еще хозяйской милости не веря,
Не веря человеческой доброте,
В которой сердце усомнилось зверя..
— Садись в кабину,
Трогаем, Полкан!
Какое же без стража новоселье?
Ты — член семьи,
И ты, мой старикан,
Забудь обиду, разгони сомненья...—
Закружит город
В суматохе дня
Уже привыкших горожан
К круженью.
И это беспокойное движенье подхватывает вихрем и меня.
Бывает так: минута дорога,
Такси все нет,
А от попутных — ветер.
Вдруг из машины,
Словно на врага,
Презренный взгляд
Хозяйский бросит сеттер,
Бульдोजья морда тычется в стекло,
Сиденье жирной тушей занимая..
Породистые,
Вам бы в то село,
Да не для вас машина
Грузовая!

ОТ ЛИСИЧКИ-СЕСТРИЧКИ

Сколько помню —
Мама в поле.
От темна и до темна.
Наигравшись за день вволю,
Ждать садился у окна.
Молчаливый и угрюмый,
С темнотой наедине,
С немальчишескою думой
Об отце и о войне.
Под окном пылали розы.
Лето близилось к концу.
Мать задерживалась.
Слезы
Сами плыли по лицу.
Заскрипит во тьме калитка —
Выбегаю на крыльцо,
И счастливая улыбка
У меня во все лицо.
— От лисички, от сестрички,—
Ломтик хлеба подает...
От лисички,
От сестрички,
Той, что в полюшке живет.
У нее щедры привычки
Были в голод
Средь войны...
Тем гостинцам от лисички
В детстве не было цены.

ПО ЯГОДЫ

Как ждали мы ягодной
Сладкой поры!
И вот облетело
Ребячьи дворы:
Пошла земляника
По склону бугра.
Туда загляни-ка,
Мы были вчера.
Идти недалеко,
Там редкий лесок,
Там солнце глубоко
Днем греет песок,

Те, что после каждого аванса
День миллионерами живут,
Те, что под получку, для баланса,
В десять раз дороже ценят рубль.
Все они приезжие ребята
Из различных городов и мест.
Наш барак четвертый,
рядом пятый,
В пятом
Больше сорока невест.

* * *

Мы грузили уголь на машины.
В лица нас хлестал
Тяжелый ветер,
Мы грузили уголь на машины,
Молча проклиная все на свете.
Озорные,
Голые по пояс,
Школьники из выпускного класса,
Не жалели черных слов на поезд,
Что пришел из черного Донбасса.
Мы грузили уголь,
Пыль летела,
Угольная пыль в глаза летела,
И въедалась,
И вгрызалась в тело,
Будто нас живыми съесть хотела.
Вдруг один из нас,
Который с краю,
Опустил к ногам свою лопату,
Вдруг улыбок белых-белых стаю
Выпустили черные ребята...
Шла она с распущенной косою,
Ветер платьем грудь ласкал
И ноги,
Со своею броскою красою,
Шла она вдоль рельсовой дороги.
Проходя,
Лукаво улыбнулась:
«Черти, мол, чумазые, что стали»,
А у нас в душе весна проснулась,
А у нас в душе мечты играли...

Мы грузили уголь на машины,
С ветром споря,
Злым и шалопутным,
Семь часов грузили на машины,
Счастьем одаренные минутным.

САПОГИ

Дорогие мои сапоги
С моей левой и правой ноги,
Износились вы поровну оба,
Довели вас дороги до гроба.
Сколько легких и трудных дорог
Вы прошли по велению ног,
Сколько раз вы чинились в пути,
Чтобы дальше и дальше идти.
Вы за труд не просили оплаты,
Кроме новой и новой заплаты,
Кроме дратвы и медных гвоздей,
Чтоб прожить еще несколько дней.
Что ж, прощайте, прощайте, друзья,
Ни носить, ни чинить вас нельзя,
Истрепались вы поровну оба,
Довели вас дороги до гроба.
Впереди еще много дорог,
Они требуют новых сапог,
Тоже с левой и правой ноги,
Дорогие мои сапоги.

* * *

Песни пелись во поле
Под высоким тополем,
Песни пелись во лугу
На ромашковом снегу,
С милой шли,
Рука в руке,
Песни пелись на реке.
Где ты, молодость, ау?
— Я в твоих краях живу,
Те же песни распеваю,
Возвратись,
Я в отчет крае!

— Был я там,
Да толку мало.
В поле тополя не стало,
Луг все тот же,
Но в снегу
Нет ромашек на лугу.
Вместо речки,
Где был рай,
Ручеек искрился...
— Он все тот же
Этот край,
Сам ты изменился.

СОСЕДКА

Из-под горки,
Из-под низа,
В сарафанчике, с утра,
Распустивши косы, Лиза
Носит воду в два ведра.
Все полно любви и смысла,
Дышит солнце горячо.
Расписное коромысло
Через правое плечо.
А ведет ее дорожка
Мимо нашего окна.
Занавешу я окошко,
Чтоб не видела она.
Лучше встретить на крылечке
Или даже у ворот,
Перемолвиться словечком —
Не видались целый год.
Спросит:
«В отпуск?»
«В отпуск, Лиза».
Спросит:
«Надолго?»
Скажу:
«Вот как всю с тобою снизу
Воду в сад переносу...»
В небе радуга повисла,
Вся пылает снизу вверх
Разноцветным коромыслом
После дождичка
В четверг.

* * *

Я мог, смеясь,
Ей раньше говорить,
(Мне так легко тогда
Бывало с нею.)
«Когда ты глупой
Перестанешь быть,
Тогда и я, быть может,
Поумнею».
Прошли года смеяться
И любить.
Я говорю теперь,
Встречаясь с нею:
«Когда ты умной перестанешь
Быть,
Тогда и я, быть может,
Поглупею».

ГРАЧИНОЕ ГОРЕ

Налетел ураган,
В свою черную силущу веря.
Я под ливнем успел
Заскочить в незнакомый подъезд.
И шарахнулись в страхе,
Трещали по Мценску деревья,
Опустилась середь дня
Непроглядная темень окрест.
И на улице
Страшное что-то творилось:
Раздирались на сучья
И в небо неслись тополя,
И какие-то странные
В воздухе вещи кружились,
С крыши сорванный шифер,
Клубясь, улетал на поля...
Это длилось недолго,
И свет появился в лазури,
Засверкала под солнцем
На улицах бурных вода.
Стало в городе тихо,
Захламленном бурей,
Детский слышался плач,
Да искрили в траве провода.

Вдруг всех парков и скверов
Раздались тревожные крики,
Это гнездам пустым,
Бурей сбитые, взмыли грачи.
Был до вечера город
Заполнен их плачем великим,
И гортанный тот плач
До утра продолжался в ночи.
Высоко вы построили
Гнезда уютные, птицы...
Не спасла —
Погубила птенцов высота.
Ах, не главное это,
Не главное это —
Родиться,
Выжить, главное, выпав вот так
Из гнезда...

ОРИНА

Пруд покрылся пухом тополиным.
— Где всю ночь шаталась ты, Орина?
Косы расплелись, измята юбка,
Служит муж последний год, голубка!
Что же это делаешь ты, девка?
Сортом, что ль, не вышла,
Из обсева?
На мои седины кличешь беды?
Вон, огонь зажегся у соседа.
Пес его брехал до полуночи.
Ты поди-ка, заслони всем очи.
Поползет слушок,
А там и сплетня
На тебя свою накинёт петлю.
В девках недотроги,
А за мужем
Сразу кто-то на задворках нужен?
Счастье в дом свалилось валом прямо...
— Как всегда,
Во всем права ты, мама.
Ясный месяц был мне ухажером,
Надо мной кружились звезды хором,
Косы расплели в ночи мне ивы,
Разве плохо, мама, быть счастливой?

У воды роса свежа и хлюпка,
Оттого моя отволгла юбка,
Я по травам шла, не по дороге,
Оттого и промочила ноги.
Пруд покрылся пухом тополиным...
— Ой, меня не проведешь, Орина!

КАМНЕБОЕЦ

Мой Молот,
Взметнись над моей головою,
Я молод,
Мы добрая пара с тобою.
Ты ручку имеешь,
Я руку имею,
Ты весом владеешь,
Я взмахом владею.
Пусть желтое пламя
Взрывается яро,
Пусть рушится камень
Под нашим ударом.
Чтоб выстлать дороги,
Чтоб выстроить город,
Придется так много
Разрушить нам,
Молот!
Так было,
Так будет.
Закон постоянства,
Так строили люди
Свои государства.
Так мы
Для потомков
Поставили стяг
На старых обломках,
На древних костях.
Мой молот,
За дело!
От взмаха!
До взмаха!
Пусть к жаркому телу
Прилипнет рубаха!

РАЗГОВОР С АВТОВОКЗАЛОМ В АЛУШТЕ

— Вас много приезжих,
Тебя я не знаю.
Я сотни за сутки
Машин принимаю,
Я в год принимаю,
Быть может, полмира,
Мне некогда с каждым
Болтать пассажиром.
Товарищ, мне голову
Зря не морочь,
Я занят, ты слышал?
Проваливай прочь!
— Послушай, вокзал,
Мне обидно до смерти,
Я знал тебя раньше,
В последнем проекте.
Пластмассы цветные,
Цветные металлы,
Стеклянные стены,
Зеркальные залы.
Я знал тебя раньше.
Без тени сомненья:
Ты точно таким
Был в моем представленьи.
И столько народу,
И столько машин...
— Но кто ты?
— Строитель.
Я раньше здесь жил.
Припомни, кто первый
Закладывал камень
В фундамент.
Не я ли
Своими руками?
Не я ли, припомни? ...—
Подумав, вокзал
В ответ неуверенно
Тихо сказал:
— Я помню бригаду
Отчетливо очень,
Но я не запомнил
Тебя среди рабочих.

Те были в спецовках,
В худых рукавицах,
И пот покрывал их
Усталые лица.
Меж них не видал я
Тогда экскурсанта
В костюме,
При галстукe,
Модного франта...
...Я шел от вокзала
По улочке к морю,
Я шел, улыбался
Нежданному горю,
А может быть, радости
Шел, улыбался.
Вокзал ведь,
Вокзал,
А не я ошибался.
А может быть, я,—
Ведь не думал я
Прежде,
Что будут меня
Принимать по одежде.

* * *

В полнеба распростер
Закат свои крыла,
Но на его костер,
Сгущаясь, ночь плыла.
И заполняла лес
И все низины тенью,
Сводя огонь с небес
К замедленному тленью.
И все исчезло вдруг,
Все кануло до срока.
И сразу тьма вокруг
Забылась сном глубоко.
Но искры от костра
На небо возносились —
До самого утра
Сверкали и лучились.

МАЛЫШ И МОРЕ

И вот оно
Открылось перед ним
Во всем своем величье
И просторе.
Оно сливалось с небом голубым,
И было небо
Продолженьем моря.
На светлом,
 на пологом берегу,
Дитя беспечных игр,
 забав,
 веселий,
Безудержный,
Он замер на бегу,
Открывший мир, неведомый доселе.
Все это длилось, может,
Только миг,
Но было столько страсти в разговоре
Немом,
Весь смысл которого — язык —
Доступен был ребенку лишь
И морю.
Потом он, как другие малыши,
По берегу носился, счастья полный,
И круглые цветные голыши
Бросал со смехом
И восторгом в волны.
Как будто с морем был всегда знаком
И мир его —
Уже без белых пятен...
Всего на миг владея языком,
Который взрослым чужд
И непонятен.

ПОДСОЛНУХ

Под солнцем
Подсолнух.
Он вырос у поля.
Кто семечко здесь обронил,
И кто так случайно
Сиротскою долей
Его у межи наградил?

Надкушена шляпка прохожей коровой
Еще до цветенья поры.
Иссечены листья.
Знать, прут ивняковый
Резвился в руках детворы.
Стоит он, как рыцарь
В зеленой кольчуге,
А рядом —
Подсолнечный клин.
Цветет.
Аромат разливая в округе,
И солнце,
и пчелы над ним.
Но первым светило
С востока на запад
Тот рыцарь в доспехах ведет,
Потому
Все море подсолнухов,
Сеющих запах,
С утра подражает ему.
Не знаю,
Счастливая ль, горькая доля
Стоять на посту у межи
И этим послушным командовать полем?
Ты сам мне, подсолнух, скажи..

* * *

На вершинах гор —
Снега.
У подножья — лето.
Что виски снежит пурга,
Милый друг,
Не сетуй.
Возраст — это высота
И простор для взгляда.
Высота
Уже взята,
Оглядеться надо.
Там, внизу,
Растут цветы.
Здесь — рассудка холод.
Эх, такой бы высоты
В дни,
Когда был молод...

КОЛЕСА

Когда покидал я привычные хаты,
Стучали колеса:
«Куда ты, куда ты?
Здесь деды и прадеды годы считали,
Отец твой и мать
Стариками здесь стали,
Здесь столько друзей и подруг остается,
Здесь чистое небо и яркое солнце,
Луга, и долины, и вешние плесы,
Куда ты, куда ты?» —
Стучали колеса.
А я отвечал им,
Хоть в странствиях не был:
— За гранью полей не кончается небо,
И в нем, беспредельном,
Везде остается
Все то же прекрасное, яркое солнце! —
С тех пор я отмерил немало дорог
На север,
На запад,
На юг,
На восток,
И вновь мне, и вновь,
Как когда-то вначале
Тревожно о прошлом колеса стучали.
А я отвечал им в дорогах на стук,
От станций все новых и новых разлук:
— Стучите, колеса,
Стучите, стучите,
Вперед без сомненья, без усталости мчите,
Вам право больших расстояний дано,
Кого и куда вам нести —
Все равно.
Пока мне встречаются русские лица,
Пока не покинул я русской границы,
Пока я в обнимку иду с нашим веком —
Нигде я не буду чужим человеком.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Бывает миг души прозренья...»	3
Птицы в груди	3
«Над родными краями...»	4
Первая любовь	5
Зинка	6
Одиночество	8
Баня	8
«Ловелас»	10
«— Гуси, гуси...»	12
«Тонкостволая рощица...»	13
У озера	14
Баллада о матери	14
Собачий рейс	16
От лисички-сестрички	18
По ягоды	18
«Все забыто...»	19
«Мы грузили уголь на машины...»	20
Сапоги	21
«Песни пелись во поле...»	21
Соседка	22
«Я мог, смеясь...»	23
Грачиное горе	23
Орина	24
Камнебоец	25
Разговор с автовокзалом в Алуште	26
«В полнеба распростер...»	27
Малыш и море	28
Подсолнух	28
«На вершинах гор...»	29
Колеса	30

Иван Константинович НИКОЛЮКИН

ПТИЦЫ В ГРУДИ

Стихи

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 24.10.85. Подписано к печати 07.01.86. А 00604. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,75. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000 экз. Изд. № 67. Заказ № 1772. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВЫЕ ВЫИГРЫШНЫЕ ВКЛАДЫ

● По этому виду вкладов доход из расчета 2% годовых выплачивается в виде выигрышей — наличными деньгами или по желанию вкладчиков в виде товаров, пользующихся спросом населения. Тиражи выигрышей проводятся два раза в год — в апреле и в октябре. В каждом тираже на 1000 счетов по этому виду вкладов разыгрывается 25 выигрышей: 1 выигрыш в размере 200% среднего остатка вклада за истекшее полугодие по счету, на который выпал выигрыш, 2 выигрыша — по 100%, 2 выигрыша — по 50% и 20 выигрышей — по 25%. Средний остаток вклада за полугодие, который принимается в расчет при определении суммы выигрыша, не должен превышать 5000 рублей. Началом полугодия для исчисления среднего остатка вклада считается 1 апреля и 1 октября. Вкладчику предоставляется право открыть в одной или нескольких сберегательных кассах любое число счетов по денежно-вещевым выигрышным вкладам.

● С перечнем товаров, которые выдаются вкладчикам за счет выпавших на их счета выигрышей, можно ознакомиться в сберегательных кассах.

● Для получения в магазинах товаров за счет выигрышей сберегательные кассы выдают вкладчикам целевые расчетные чеки. По желанию вкладчика чек на приобретение товара может быть выписан в сумме, на 25% превышающей выпавший на его счет выигрыш, с доплатой разницы сберегательной кассе.

● Сумма выигрыша может быть также получена наличными деньгами или оставлена для дальнейшего хранения на счету по вкладу.

Правление Гострудсберкасс СССР